

ГЛАВА 2
ДЕРЕВНЯ ТАН,
ПРОВИНЦИЯ АНЬХОЙ

Еще не открыв глаза, он знал, что находится дома. Видеть и не требовалось, да и время, совсем как прежде, он определил по ощущениям и звукам. Если темноту разбавлял приближающийся рассвет, если за окном погромыхивала тележка, если соседские кумушки будили мужей и детей, значит, вскоре мать придет за ночным горшком, содержимое которого отправится в компостную яму. Если же еще темно и тихо, мальчику разрешалось еще немного полежать в кровати рядом с дедушкой.

Он открыл глаза и за окном такси увидел знакомую сосну. Ее ветви, голые, как и в день его отъезда, приветственно склонились над дорогой. Будто прошел всего лишь день.

Чтобы разглядеть получше, он опустил стекло.

— Эй! — воскликнул таксист. — Холодно же!

Итянь не обратил на него внимания. Удивление, во все не такое уж и неприятное, подготовило его к встрече с матерью. Он так и не заснул ни в самолете из Сан-Франциско, ни во время турбулентности над Южной Кореей, ни в тряском поезде, следующем из Шанхая в Аньхой, — в купе, которое он делил с восемью другими пассажирами. Сев на завершающем отрезке путешествия в такси — Итянь позволил себе такой расход, обосновав тем, что потратил бы несколько часов, вникая в расписание автобусов, — он ощутил столь сильную усталость, что был не в силах даже ответить, когда таксист спросил, что он забыл в такой глуши. Итянь заснул, когда за окном за-

мелькали новостройки Хэфэя, а проснувшись, увидел знакомые с детства пейзажи. Небо давило зимней серостью. Такси ехало по главной улице, а Итянь вглядывался в узенькие переулки, высматривая когда-то знакомые дома. Все они были из того же материала, что и раньше, — посаженных на глинистый раствор кирпичей, однако под заснеженными крышами со свисающими сосульками дома казались значительно выше, чем прежде. А вот сама деревня была меньше, чем ему запомнилось. Они проехали мимо углового дома, и Итянь пораженно ахнул: за приоткрытыми дверями он заметил стоящий на ветхом буфете квадратный телевизор.

— Дальше куда, начальник? — спросил таксист.

Улица закончилась, а крыши с потрескавшейся черепицей Итянь так и не увидел, поэтому и не знал, где свернуть.

— Я, похоже, поворот пропустил, — сказал он, — давайте назад вернемся?

Но крыши в каждом переулке были аккуратные, с тщательно уложенной черепицей. На таксометре мигали красные цифры.

— Высадите меня здесь, — попросил он, — я пешком дойду.

Итянь шагал по переулкам, ботинки скользили по снегу. Он уже жалел, что не позволил Мали положить в чемодан побольше теплой одежды. Свирепый ветер пробирался к телу, доказывая, что прятаться от него смысла нет. Такого холода Итянь не ощущал уже много лет. В Калифорнии не бывает настоящей зимы. Впрочем, настолько яростный зимний ветер редкость даже по местным меркам, он словно был дурным предзнаменованием, связанным с исчезновением отца. Итянь надеялся, что его отец, куда бы он ни ушел, надел самую теплую свою одежду и не страдает от холода.

В конце концов нужный переулок он отыскал. Итянь пропустил его, потому что крыша с осыпавшейся черепицей исчезла. Одноэтажное кирпично-глиняное строение из его детства выросло, обзавелось шиферной крышей,

к и стены были беленые. Он уже дважды проходил мимо
а этого дома, но только на третий раз признал старое строе-
р ние, прячущееся внутри. Дом стоял чуть особняком. На
т такие дома деревенские жители показывают пальцем
а и шепчут: “Вот тут богатеи живут”.

у От этой мысли Итянь ощутил прилив гордости. Дом
т отстроили благодаря деньгам, которые он присылал се-
р мье два раза в год. Даже когда они с Мали только-только
а переехали в Америку и расписывали недельный бюджет
т вплоть до самых мелких расходов, Итянь все равно от-
правлял матери чек. Иногда сумма едва превышала поч-
товые сборы за перевод, порой Мали показывала, как ма-
ло остается на жизнь им самим, и умоляла его отправить
поменьше. Она протягивала руки, держа их ладонями
вверх, и не сводила с него глаз. Видишь, ничего не оста-
ется. Как ей ответить, Итянь не знал. Для него забота пред-
ставляла собой величину, которую невозможно поделить
между теми, кто ему дорог.

У двери он замешкался. Его поднятая и сжатая в кулак
рука дрожала. Он прижался лбом к новому деревянному
полотну, почти ожидая услышать рычащий голос отца,
в очередной раз напившегося среди бела дня. Вот-вот он
распахнет дверь и, стряхнув с себя опьянение, скажет
Итяню, что исчезновение — просто шутка, которую он
устроил, потому что наконец-то решил его простить и за-
манить домой. Следом покажется и мать. Вытирая ру-
ки о передник, она извинится за обман. Они обнимутся,
и все сойдутся на том, что шутка того стоила.

Из-за двери не доносилось ни звука. В конце концов
Итянь дернул за железное кольцо. Дверь приоткрылась.

— Есть кто дома? — крикнул он в пустой дворик.

Итянь поразился тому, как легко, без малейших уси-
лий, дались ему слова на родном диалекте.

о
2 Мать раздобрела, живот и грудь у нее округлились, кости
6 будто уступили место плоти. Мать уткнулась головой ему

в плечо и погладила руки, словно для того, чтобы поверить в его приезд, ей непременно было нужно коснуться его. В воспоминаниях мать была выше, хотя этот ее новый облик вполне соответствовал его ожиданиям, а ее раздобревшее, но плотное тело было вполне под стать размашистым движениям и решительному голосу.

— Куда ж ты подевался?! — была первая ее фраза. — Я уж несколько дней тебя жду!

— Ма, сюда очень долго добираться. ГЛАВА

— Ты ел? Я курицу вчера вечером зарезала — думала, ты вот-вот приедешь. Сейчас еду разогрею. Сколько ты за такси заплатил? 2

Она захлопотала, поставила кипятиться воду, отнесла его чемодан в спальню, и каждый раз, отходя от него хоть на пару секунд, она тут же возвращалась и задавала очередной вопрос.

Итянь не понимал, с чего начать. Отец пропал, но вот она мать — впервые за много лет рядом, живая, во плоти.

Пока мать кипятила воду для чая, Итянь не торопясь бродил по комнате. Он вдыхал знакомый запах — чеснока, пыли и работы. Комнаты мать по-прежнему содержала в чистоте. Вдоль стен все те же полки с выстроившимися на них банками с соленьями, рядом висят разделочные ножи и доски да старые, некоторые еще восьмидесятых годов, календари. В центре потрепанный постер — залитый таинственным светом горный пейзаж. Место, куда им никогда не попасть. Итяня поражала неприкрытая практичность этого жилища, так не похожего на американские дома, где главное — возможность уединиться и личное пространство. Услышав впервые словосочетание “жилая комната”, он, помнится, растерялся, ведь на самом-то деле все элементы жизни — стиралка, еда, сон — прятались за дверями. Настоящая жилая комната здесь — в этом старом доме, где ее никто так не называет, да тут и понятия такого просто нет. 0

Они с матерью уселись пить чай. Стоявший посреди комнаты стол был таким высоким, что Итянь чувствовал 2
7

к себя коротышкой. Мать неловко примостилась сбоку на
а деревянной скамье — она никогда не позволяла себе тол-
р ком отдохнуть. Итянь неожиданно подумал, что послед-
т ние несколько дней мать живет в этом доме одна — впер-
а вые в жизни одна.

у — Па... — начал было он, и из глаз матери тут же
т брызнули слезы. — Никаких новостей?

р Она покачала головой.

а — У нас в деревне все знают. И в городке рассказали.
т Я постаралась, чтоб побольше народа узнало. Но никто
ничего не слышал. — Она нервно теребила завязку фар-
тука. — И за что только твоему отцу все это?

— Мы его отыщем. — Уверенность звучала притвор-
но, он и сам это слышал.

Итянь ничего не знал о том человеке, которым за эти
годы стал отец. И как все теперь устроено в стране, он
тоже не знал. Практической помощи ждать от него бес-
смысленно. Зачем он вообще приехал и как собирался
помочь? Он тут всего-то пару часов, но уже ясно, что ме-
сто это разрослось, что появилось пространство, где не-
мудрено и затеряться.

— Я тут прикинул, как поступить. Может, сначала об-
ратимся в полицию? — предложил он.

— В полицию?!

— Ну да. Подадим заявление. А они нам помогут.

— По-твоему, они там для этого сидят? Даже если ты
придешь к ним без проблем, то там тебе их непременно
найдут. Ты и впрямь слишком долго в Америке живешь.

— Но они, по крайней мере, с другими городами свя-
жутся. Разве нет?

Мать фыркнула:

— Ты думаешь, они там что, работают? Обзванивают
другие города?

— Ладно, а что ты предлагаешь?

о Мать не ответила, и он снова заговорил:

2 — Если ничего не выясним, давай все же поедem в по-
8 лицию и подадим заявление. Они хотя бы в курсе будут.

Заранее же не скажешь. В сельсовете еще есть тот фур-
гончик?

— Смотри тут такое не скажи, засмеют ведь. Сейчас
это называется “управа”.

Итянь остро ощущал свою чуждость. Он уже собирал-
ся расспросить мать, что еще теперь называется по-но-
вому и как ему скрыть свою неосведомленность, но со
двора донеслись шаги. Он вскочил. Мали оказалась пра-
ва — надо было лишь немного подождать, и отец объ-
явился сам.

— Вот и ты! — воскликнул возникший на пороге
мужчина.

Щупленький и бодрый, он был намного ниже отца
Итяня, но такой же громогласный, разве что в голосе вме-
сто требовательной строгости звучала благодушная не-
принужденность.

— Ох... — вырвалось у Итяня.

Стараясь унять подпрыгнувшее сердце, он скрестил
на груди руки в надежде, что никто не заметит сковавше-
го его напряжения. Эта внезапная окаменелость случалась
редко, зато если уж нападала, то внезапно и безжа-
лостно. Заправщик на бензоколонке как-то знакомо ссу-
тулил плечи — понурая фигура, голова опущена, щети-
нистый подбородок в тени. На какой-то миг он увидел
отца: вот тот, ссутулившись, затягивается подобранным
с земли окурком; вот, подобрал ногу, на которую прихра-
мывает, привалился к стене, чтобы немного отдохнуть.
От этих картин Итянь замирал. Одно-единственного
жеста хватало, чтобы отправить его в прошлое.

Однако лицо гостя казалось смутно знакомым. Итянь
силилсь разглядеть под морщинистой кожей привычные
черты.

— Ты ж меня не забыл, да?

— Что за глупости! Разве Дядюшку забудешь? — встря-
ла мать.

Ну конечно, как он мог его забыть. Этот человек с из-
боржденным морщинами плутоватым лицом — один

к из немногих отцовских друзей, если их вообще можно
а так называть. Двоюродный дядюшка Тан. В детстве Итянь
р видел его неизменно в тусклом свете лампы, вечером,
т когда Дядюшка с отцом выпивали или играли в карты
а и дом, прочие обитатели которого старались держаться от
этой парочки подальше, сотрясался от приступов хохота.
у Днем Дядюшка таинственным образом исчезал. Его даже
т прозвали Янезнаю — именно так отвечала его жена, ко
р гда за Дядюшкой приходили из сельсовета.

а — Кое-кто нашептал, что в наши снежные края при
т ехал чужестранец с красивым чемоданом. Вот я и пришел
у твоей матушки справиться, может, она чего знает.

Мать принесла чаю и подсолнечных семечек, а сама
уселась на трехногий стул возле двери и принялась ра-
стирать колени. В присутствии гостя-мужчины она за
стол не садилась.

— Даже не верится. Наш самый знаменитый земляк,
Итянь Тан, домой вернулся. Ты приехал из-за отца, да? —
Дядюшка сокрушенно покачал головой: — Чудные дела...

— А у вас какие-то соображения есть? — спросил
Итянь. — Лучше вас его разве что Ма знает.

— Честно говоря, мы в последние годы мало обща-
лись. Он стал... — Старик запнулся и посмотрел на мать
Итяня.

— Одиночкой, — подсказала она, — все больше особ-
няком держится.

“Одиночкой”. Странно, что она выбрала именно это
слово. Сама идея одиночества предполагает потребность
в других людях, а для отца такие сложные чувства были
несвойственны. Он играл с Дядюшкой в карты и выпив-
вал, потому что эти занятия доставляли ему удовольствие.
Если он и здоровался на улице с соседями, то лишь пото-
му, что в деревне так принято.

— Па не из тех, кого называют одиночкой.

о — Люди меняются, — Дядюшка пожал плечами, —
з посмотри на меня. Сколько лет жизни я потратил впу-
о стую! Пил, в карты играл! Я мог бы прожить совсем дру-

гую жизнь. А вот ты, — он наставил палец на Итяня, — ты всегда знал, чего хочешь от жизни. Твой отец в тебе ошибался. Сейчас мы все это видим.

Итянь было запротестовал.

— И такой скромник. Рядом с тобой, Тан Итянь, нам всем стыдно.

Итянь заметил, как мать гордо выпрямилась.

— У твоей матери была одна догадка, — сказал Дядюшка, — верно ведь?

— Ох, даже и не знаю... — Она покачала головой и уткнула взгляд в колени.

— Ма, у тебя и правда какие-то соображения есть? Ты вроде сказала, что нет.

Мать, словно школьница, вжалась от смущения в стенку и забормотала:

— Да не знаю даже. Но я тут подумала, что если твой отец и жил где-то кроме нашей деревни, то это в армейских казармах. И он столько рассказывал про тогдашнее свое житье-бытье. Может, ему захотелось на старости лет еще раз на казармы те глянуть. Посмотреть, не изменилось ли там все.

— Он в последнее время говорил о том, что собирается туда?

— Что собирается — нет, а вот старые свои байки рассказывал. Он то и дело их вспоминал.

— Я слышал, там все уже упразднили, — сказал Дядюшка.

— И я такое слыхала, да, но здания-то остались. Возможно, ему просто захотелось на них взглянуть.

Предположение матери рисовало образ куда более сентиментальный, чем тот человек, которого помнил Итянь. Однако других версий у них все равно не имелось, к тому же, если они начнут разрабатывать эту, появится ощущение полезности — все лучше, чем беспомощно сидеть дома.

— Ладно, — согласился Итянь, — сначала съездим в полицию, а после и про казармы подумаем.

к — В полицию? — изумился Дядюшка.

а — Он думает, в полиции ему помогут.

р Дядюшка расхохотался и шлепнул себя по ляжкам.
т “Да что они вообще понимают? — подумал Итянь. — Мать
а даже читать не умеет, Дядюшка — деревенский пьянчужка, что бы он там ни говорил”. Мысль о том, что он примется рыскать по провинции в одиночку, без поддержки государственных служб, пугала Итяня. Отправиться в путешествие не пойми куда, не оставив предварительного заявления, — нет, такое у него в голове не укладывалось.

— Ладненько, пора нам пообедать, — сказала мать.

Она предложила Дядюшке поесть с ними, но тот покачал головой:

— Тетушка у меня тоже обед стряпает. — Он повернулся к Итяню: — Зайди к ней повидаться, пока ты здесь. Если время будет.

— Да, ты ведь давно ее не видел. Мы завтра придем, — сказала мать.

— Не уверен, что получится. Нам же надо Па искать...

Лицо у Дядюшки оскорбленно скривилось, и Итянь осекся.

— Ну да, ясное дело. Ты сейчас человек занятой, — сказал Дядюшка.

Когда Дядюшка вышел за дверь и уже точно не мог услышать, мать резко сказала:

— Ты чего грубишь? Это тебя в Америке научили так с людьми разговаривать?

Итянь забыл, насколько в этом мире пекутся о хороших манерах, жертвуя срочностью и логикой в угоду этикету. Даже если он действительно тревожится об отце, говорить об этом вслух не следует. Правильно было бы принять приглашение и не приходить — подобное более приемлемо. В Америке, он не сомневался, в такие моменты и речи не идет о вежливости. Впрочем, его отец тоже без зазрения совести выпроводил бы гостя, будь у него дела поважнее. Отец имел привычку говорить начистоту

о
з
2

и ставить собственные желания превыше всего. По ночам, порядком нагрузившись, он просто вставал из-за стола и, не обращая внимания на гостей, валился в постель. Порой он даже тапки забывал скинуть, и они повисали на кончиках пальцев. Матери Итяня приходилось прощаться с гостями и сглаживать ситуацию, отчего позже по деревне поползли слухи на ее счет.

— Прости, Ма. Просто я не знаю, как долго смогу здесь пробыть.

Итянь подошел к матери, которая мыла в раковине чашки, и собрался взять ее ладонь. Так он обычно успокаивал Мали. Однако его тело тут же налилось тяжестью, пропиталось волнением — он вспомнил про местные традиции, ведь согласно им следует держаться на расстоянии от других людей. Никаких прикосновений тут не практикуют.

— Не знаешь, надолго ли приехал? Это почему?

— Я говорил с деканом факультета... — Итянь умолк.

Она все равно не поймет, если он пустится растолковывать, почему ему надо вернуться на работу и что такое ограниченный отпуск. Декану он солгал, сказав, что его отец серьезно заболел. На это декан, пожилой уже человек, за много лет не написавший ни единой стоящей научной работы, заверил его, что возвратиться он может, когда сам посчитает нужным.

Мать закрутила кран и спросила:

— Мали как, здорова?

Ма старалась говорить непринужденно, но Итянь чувствовал, что все это время ей не терпелось задать этот вопрос. Каждый раз, когда он звонил ей, она повторяла одно и то же. Он знал, о чем она спросила бы, будь у них более доверительные отношения. Почему Мали до сих пор не подарила ей внуков? Иногда он слышал, как американцы, его ровесники, шутят — мол, их родители ждут не дождутся внуков. Он сочувствовал им, хотя, судя по рассказам, этим родителям далеко до его матери, для нее это желание было по-настоящему глубоким, самым главным

Ч
А
С
Т
Ь

I

ГЛАВА

2

0
3
3

к в жизни. Когда его родители прожили в браке столько
а лет, сколько сейчас — они с Мали, и сам Итянь, и его брат
р уже готовились в школу пойти. В те времена деторо-
т ждение представляло загадочную, но естественную часть
а жизни, а не тот непонятный и сложный процесс, каким
оно кажется сейчас.

у — Мы подождем, пока толком не обоснуемся тут, —
т отвечал он матери, когда они с Мали только переехали.

р Подсчитывая, сколько денег у них оставалось после
а расходов на квартиру, еду и аренду машины, он не пред-
т ставлял, как втиснуть в бюджет еще какие-то траты.

— Скоро займемся, — отвечал он матери потом, слов-
но ребенок, отчитывающийся о домашнем задании.

Первые неудачи он списывал на невезение, но сейчас,
спустя еще два года, их с Мали сомнения пустили глубо-
кие корни. Очередное медицинское направление в кли-
нику планирования семьи висело на холодильнике боль-
ше месяца, но они им так и не воспользовались.

Итянь делал вид, будто не замечает материнских на-
меков. Он знал, что пока он сам на откровенность не идет,
мать ни за что не скажет, что ей хочется внуков. Он отве-
чал лишь, что у Мали все хорошо. Эта привычка укло-
няться, имевшаяся у каждого из них, укоренилась так
прочно, что едва ли не превратилась в инстинкт: все ста-
рались не говорить о темах неприятных и тревожных. Да-
же с Мали они избегали обсуждать визиты к врачу. В по-
оследний раз, когда у них почти затеплилась надежда, —
это было больше года назад — Итянь вернулся однажды
вечером домой и обнаружил Мали в ванной, она сидела
на опущенной крышке унитаза и плакала, потому что
у нее начались месячные. Он и не помнил, чтобы прежде
она плакала. Выглядела Мали пристыженной. Сперва она
спрятала лицо в ладонях, а после вытолкала Итяня из
ванной и закрылась внутри, так что пришлось разговари-
вать с ней через дверь.

о — Ничего страшного. Для меня ребенок — это неваж-
з но, — бормотал он, глядя на равнодушную дверь.
4

Итянь не лгал, он ведь и направление в клинику получил не из желания завести ребенка, а по инерции, полагая, что ребенок — признак того, что жизнь движется вперед.

— Зато для меня важно. — Мали распахнула дверь, и он увидел, что лицо ее искажено гневом. — Как ты не понимаешь?!

— Посмотри на меня, — проговорила мать, — когда-то не было в поле женщины сильнее меня, — она протянула ему руку, — но в последние годы я сделалась такой неуклюжей. Несколько недель назад резала сухую траву на растопку, и рука вдруг сорвалась. Ты только представь! Прежде я бы такой ошибки ни за что не допустила.

Эту историю про то, как рука у нее сорвалась и она порезалась, Ма еженедельно повторяла по телефону. Она подняла руку, показав Итяню белый неровный шрам рядом с глубокой линией жизни. Итяня поразило, какая у Ма грубая кожа. Его собственные мозоли давно сошли, и ладони у него были мягкие и беззащитные.

— Поэтому мне повезло, что у меня есть сын, который деньги присылает. Иначе кто бы позаботился обо мне, старухе? Подумай о своем будущем. Вот поэтому дети — это очень важно. — Мать вздохнула. — Хотя жизнь у нас была тяжелая, Небеса оставили нам тебя.

Даже не глядя на мать, Итянь знал, что она смотрит на стену над платяным шкафом, где висели два черно-белых портрета — дедушкин и брата. Подле фотографий курились яблочные и мандариновые благовония. К таким вещам мать относилась ответственно. Религиозной она себя не считала, но полагала, что лучше уважить всех покровителей жизни и удачи.

На снимке лицо у брата было еще по-детски припухлым. Впоследствии на смену этой припухлости придет волевой подбородок, благодаря которому брата будут считать привлекательным. К моменту смерти лицо его уже огрубело, еще пару лет — и он превратился бы в мужчину, увидеть которого им так и не довелось. Дедушкин

Ч
А
С
Т
Ь
I

ГЛАВА
2

0
3
5

к портрет рядом с фотографией Ишоу был старым и вы-
а цветшим. Итяню казалось, будто неровные, свисающие
р до подбородка усы и ясный, вдумчивый взгляд свидетель-
т ствуют об учености. Мужчина на фотографии, пускай да-
а же и выцветшей, словно готов был того и гляди открыть
у рот и прочесть подробную лекцию об истории империи.
т Эти два портрета, висевшие рядом, представляли стран-
р ное зрелище, в настоящей жизни ни разу не состоявшееся.
а Брат и дедушка почти не разговаривали друг с дружкой,
т не из-за разногласий, просто жизненные пути их пролега-
ли по-разному, да и представления о мире не совпадали.
Дедушкиным любимчиком был Итянь.

Итянь перевел взгляд на лицо матери. В собственном доме она напоминала усталого путника. У нее нашлось бы немало поводов для упреков, но в ее глазах он ничего такого не увидел. И испытал досаду. Упреки вынести легче, чем эту готовность простить.

— Пора обедать, — сказала мать, приподняв крышку и выпуская из котла облачко пара.

Она посмотрела на полку, на предмет, который Итянь до этого не замечал. За банками почти спрятались маленькие часы — блестящий стеклянный циферблат в деревянном корпусе с вырезанными орхидеями.

— Ма, неужели тебе теперь часы нужны? Мы всегда думали, у тебя в голове собственные часы.

Мать обычно определяла время по солнцу.

— Они мне нужны, чтобы знать, когда твоего звонка ждать.

Ну разумеется, телефонный узел — единственное место, где время, в отличие от всей прочей деревни, не является понятием растяжимым и относительным. Итянь звонил каждое воскресенье ровно в восемь, то есть в четыре часа вечера предыдущего дня по Америке. Наверное, кто-то из соседских детей нарисовал матери схему — на каких цифрах должны быть часовая и минутная стрелки. Цифры относились к тем немногим письменным символам, которые она понимала.

— Я их купила на те деньги, что ты прислал.

Мать поставила блюда с рисом и тушеной курицей на стол, но Итяню пришла в голову другая мысль:

— Давай снаружи поедим?

Он взял палочки, положил в миску рис и курицу, прижал миску к груди и тремя пальцами другой руки подхватил тарелку с маринованными овощами. Мать последовала за ним. Они вышли во двор. Итянь смахнул снег с камней у порога и сел. Отовсюду ползли ароматы еды: жители деревни готовились обедать. Сколько же раз он вместе с Ишоу обедал здесь вот так, глаза на возвращающихся с поля мужчин с закинутыми на плечо мотыгами и здороваясь с ними. Вскоре и соседи выйдут и тоже усядутся у дома обедать. Будут болтать, но и молчать подолгу, вот как сейчас они с матерью, потому что в такие минуты еда — превыше всего. И это тоже своего рода проявление близости.

Ч

А

С

Т

Ь

1

ГЛАВА

2